

ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ
ВЫ БУДЕТЕ ЧИТАТЬ, ЗАТАИВ ДЫХАНИЕ

Роман о девушке, которая переехала во Францию

18+

ПЕРЕЕЗД

ВО ФРАНЦИЮ

РОМАН

NIK EVRAZIY

18+

Nik Evraziy

Переезд

<https://litres.ru/73895759>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кассандра Хатрис вынуждена оставить свою прежнюю жизнь в Нью-Йорке, когда её мать — известный дизайнер одежды — открывает бутик в центре Парижа. Новый город кажется девушке скучным и чужим, пока в её жизни не появляется загадочный незнакомец.

Он следит за ней. Всегда рядом, но никогда не показывает своего лица полностью. Сначала Кассандра принимает это за странную игру, не подозревая, что за каждым его шагом стоит тщательно продуманный план.

Незнакомца наняли, чтобы собирать информацию о ней и делать компрометирующие, интимные фотографии. Всё ради шантажа. Его босс — влиятельный и опасный человек, одержимый матерью Кассандры. Он готов на всё, чтобы заполучить женщину, в которую безумно влюблён.

Когда Кассандру похищают, её матери выдвигают жестокое условие: выйти замуж за этого человека, иначе дочь будет убита.

Теперь Кассандра оказывается заперта в смертельной игре, где страх, манипуляции и одержимость стирают грань между любовью и безумием.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Nik Evraziy

Переезд

Глава 1

Эпилог

— Ну сейчас, мам! — сказала я, запихивая вещи в чемодан с такой силой, будто от этого зависела моя жизнь.

Комната напоминала поле боя после землетрясения. Мои любимые джинсы, которые я так долго искала, валялись на спинке стула, стопка книг, которые я так и не прочитала, но упорно тащила с собой, возвышалась на кровати. Я хватала всё подряд: старые фотографии, мягкую игрушку, подаренную бывшим лучшим другом еще в пятом классе, блокноты с глупыми рисунками на полях. Казалось, если я забуду какую-то мелочь, связь с этим домом оборвется навсегда.

Чемодан, старый верный спутник наших редких отпусков, отказывался закрываться. Молния предательски расходилась по бокам, выпуская наружу рукав моей кофты и угол пакета с зарядками. Я пыхтела, как паровоз, пытаюсь утрамбовать содержимое коленями, но он не поддавался. В конце

концов, потеряв терпение, я взобралась на него сверху, как заправский ковбой на норовистого мустанга.

— Да закройся ты, идиот! — прошипела я сквозь зубы, подпрыгивая на чемодане.

Раздался обнадеживающий хруст замка, и я, победив материю, щелкнула язычками. Закрыв чемодан, я схватила рюкзак, одним движением накинула его на плечо и выбежала из дома, даже не оглянувшись. Если бы я оглянулась, то, наверное, разревелась бы прямо на пороге. Коричневая дверь с царапинами внизу (это наш старый пёс Бакс, царство ему небесное, баловался щенком), потертый коврик с надписью «Welcome», почтовый ящик, из которого вечно торчали счета... Всё это оставалось позади.

Я запрыгнула в машину, хлопнув дверью так громко, что мама поморщилась.

— Мы уже опаздываем! — сказала мама, бросив взгляд на наручные часы. В ее голосе слышалось привычное раздражение, смешанное с тревогой. Она уже двадцать раз пересчитала документы, и я знала, что нервы у нее на пределе.

Я закатила глаза. Обычный наш ритуал прощания: она торопит, я копаюсь.

— Я не могла закрыть чемодан, — сказала я, оправдываясь за эти десять минут задержки. — Он буквально взбунтовался. Не хотел ехать в Париж.

Она тяжело выдохнула — тот самый глубокий материнский выдох, означающий: «Спорить бесполезно, но я все равно права», — и мы поехали. Двигатель мягко заурчал, и дом за окном начал уменьшаться, превращаясь сначала в точку, а потом исчезая за поворотом.

Нам ехать было не так долго. Аэропорт.

Сегодня я улетаю. Наверное, навсегда. Во Францию.

Эта мысль звучала в голове как приговор. Черт возьми. Я даже язык не знаю! Я пыталась учить французский по приложению две недели назад, но сдалась после третьего урока. «Спряжение глаголов» звучало для меня как название пыточной камеры. Мои познания ограничивались жалким «бонжур», которое я выучила из фильмов, и, кажется, «мерси». Этого явно недостаточно, чтобы объяснить учителям, что я не тупая, а просто не понимаю, чего они от меня хотят.

Мы ехали, а я смотрела в окно. Родной город прощался со мной вывесками знакомых магазинов и парком, где я гуляла

по воскресеньям. Вот школа, в которой я провела семь лет. Её красные кирпичные стены казались сейчас почти родными. А вот и «Старбак», где мы с девочками списывали домашку и обсуждали мальчиков. Я поймала себя на мысли, что запоминаю каждое дерево, каждую трещину на асфальте.

В этот момент телефон завибрировал. Мне пришло смс.

Классный чат написал.

Я открыла сообщение, и у меня перехватило дыхание. Было фото класса, сделанное, судя по всему, на перемене сегодня утром. Все мои одноклассники, даже те, с кем я редко разговаривала, стояли у доски, держа огромный плакат, на корявом русском и английском было выведено: «Касси, мы любим тебя!» Кто-то держал шарики, кто-то показывал сердечки руками. В центре стоял Майк — мой любимый, с которым я так хотела сойтись, но так и не решилась подойти первой. Он смущенно улыбался в камеру.

На глазах мгновенно наполнились слезы. Горло сдавило так сильно, что стало трудно дышать.

Это был мой любимый класс. Самый шумный, самый неудобный для учителей, но самый лучший на свете. Я напечатала в чате: «Я вас еще больше!» — и, не глядя на экран,

отложила телефон в сторону. Пальцы дрожали. Я знала, что если сейчас увижу еще одно сообщение или чье-то «Счастливо, Касси», то разревусь в голос, и мама начнет жалеть меня, а жалости мне меньше всего хотелось.

Не хочу плакать.

Я уставилась в окно, пытаюсь унять дрожь в губах. Я оставила в этом городе всё: и моих друзей, с которыми делила школьные обеды, и любимого, с которым так хотела сойтись, но так и не набралась смелости. Я оставила знакомые улицы, которые знала наизусть, и родной запах Нью-Йорка. Запах выхлопных газов, горячих каштанов и свежей выпечки из пекарни на углу. В Париже пахнет по-другому. Я читала. Там пахнет духами, сыром и дождем. Это звучит романтично, но меня это пугало.

Моя мама работала дизайнером одежды. Она была талантливой, фанатично преданной своему делу. Ее бренд, который начинался с маленькой мастерской в Бруклине, вдруг выстрелил. Кто-то из европейских байеров заметил ее коллекцию, и понеслось. Сейчас у нее открыли магазин во Франции. Не просто магазин, а флагманский бутик в центре Парижа. Мама выбрала, чтобы основной магазин был именно в Париже, потому что, как она сказала: «Там воздух пропитан модой, Касси. Это центр мира».

Поэтому мы переезжаем.

Я не винила ее. Она столько лет вкалывала, шила ночами, пока я спала, развозила заказы на своей старой «Тойоте». Но обида всё равно грызла меня изнутри. У меня никто не спросил, хочу ли я переезжать в страну, язык которой не знаю, бросая всё, что я строила шестнадцать лет.

Отца у меня не было. Он умер, когда мне было 4 года. Погиб, попав в аварию. Я почти не помнила его лица, только смутный образ и запах мужского одеколона на воротнике пиджака. Иногда я думала: если бы он был жив, он бы, может быть, уговорил маму повременить с переездом? Или хотя бы научил бы меня французскому? Шучу, конечно.

Машина плавно остановилась у зоны вылета. Мама, выйдя из машины, открыла багажник и кивнула мне.

Я вышла. Ноги казались ватными, будто я уже нахожусь в невесомости. Я взяла из багажника свой чемодан — того самого бунтаря, который я с трудом застегнула. Мама взяла свой, огромный, забитый образцами тканей и эскизами. Мы зашли в аэропорт.

Всё тянулось до мучительности медленно и скучно. Оче-

редь на регистрацию казалась бесконечной. Люди спешили, толкались, кто-то смеялся, кто-то плакал, обнимаясь на прощание. Мы с мамой стояли молча. Она нервно теребила ремешок сумки, я накручивала на палец прядь волос. Таможенный контроль, проверка документов, скучный голос из динамика, объявляющий рейсы.

Прошло два часа, которые растянулись в вечность, и мы наконец сели в самолет.

Я заняла место у иллюминатора, мама села рядом. В салоне пахло пластиком и стерильной чистотой. Пассажиры рассаживались, стюардессы приветливо улыбались, но меня тошнило. Не от укачивания, а от осознания необратимости.

Я смотрела на крыло самолета, на его матовую поверхность, отражающую свет перрона. В голове стучала одна мысль, пульсирующая в висках: «Хочу снова вернуться сюда. Хочу обратно. Хочу домой».

Но уже всё слишком поздно. Самолет начнет разгон через сорок минут. Шасси отсоединятся от земли, и мой старый мир останется где-то там, внизу, уменьшаясь до размеров игрушечного.

Слеза предательски потекла из глаза. Я не вытирала ее,

пусть течет. Я смотрела, как капля падает на мои джинсы, оставляя мокрый след.

Мама, заметив это, взяла меня за подбородок и мягко, но настойчиво повернула мое лицо к себе. Ее глаза были влажными, но она улыбалась той особенной улыбкой, которая означала: «Я знаю, что делаю больно, но так надо».

— Кассандра, все мечтают жить в Париже, а ты плачешь, — сказала она. Голос ее был тихим и спокойным, хотя я чувствовала, как дрожат ее пальцы. — Милая, я обещаю, тебе понравится. Это город, где сбываются мечты. Там есть замечательные школы, музеи... Ты любишь искусство, Касси. Париж — это искусство.

С этими словами она вытерла мою слезу большим пальцем, словно убирая последнее препятствие между мной и новой жизнью.

Я покачала головой, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение. Она не понимала. Или делала вид, что не понимает.

— Нет, мам, я не отношусь к тем людям, которые якобы мечтают жить в Париже, — сказала я. — Я не мечтаю о круассанах и Эйфелевой башне. Мне нужен был мой класс,

мои улицы, мой... — я запнулась, не договорив про Майка.

Она выдохнула, и в этом выдохе было столько усталости и любви одновременно, что мне стало стыдно за свою резкость. Она не враг. Она просто пытается сделать свою работу и дать мне лучшее, пусть и таким радикальным способом. Мама устроилась поудобнее в кресле, поправила плед на коленях и закрыла глаза, показывая, что разговор окончен.

В салоне заиграла приятная музыка. В проходе появилась стюардесса, такая идеальная, с идеальной укладкой и идеальной улыбкой. Она стала объяснять базовые навыки перед полетом: как застегнуть ремни, где спасательный жилет, как дышать через маску. Ее спокойный, отстраненный голос действовал на нервы.

— От имени всей команды желаем вам удачного полета,
— закончила она, и самолет начал сдавать назад.

Я же смотрела в окно. Самолет развернулся и покатился к взлетной полосе. Сначала медленно, потом быстрее, быстрее, быстрее. Двигатели взревели, набирая мощность. Земля под нами дрогнула, и меня вдавило в кресло. Я зажмурилась, чувствуя этот знакомый момент отрыва от реальности. Когда я открыла глаза, колеса шасси уже не касались бетона. Нью-Йорк раскинулся под нами, как гигантская электронная кар-

та, мерцающая огнями.

Я думала о том, что меня ждет. Новая жизнь. Новые друзья. И новые знакомства. Французские школы, где все говорят на «бонжур» и смотрят на тебя свысока, если ты неправильно произносишь «р». Учителя, которые будут вызывать к доске, пока я стою, как немая рыба. Или, может быть, всё будет не так страшно? В конце концов, я всегда была душой компании. Я смогу. Должна смочь.

Я представила улицы Парижа, узкие мощеные улочки, которые я видела только в фильмах и на открытках. Представила, как мамины платья будут висеть на манекенах в новом магазине. Как, возможно, я научусь пить кофе из маленьких чашек и есть горячие багеты.

Самолет набирал высоту, пробивая облака. Слезы высохли, уступая место странному, щекочущему нервы волнению. Страх никуда не делся, но теперь рядом с ним поселилось крошечное, едва заметное любопытство.

Я еще раз взглянула в иллюминатор. Внизу осталась моя старая жизнь, вся, до последней улочки. Я прижала ладонь к холодному стеклу.

— До свидания, — прошептала я одними губами.

А потом, откинувшись на спинку кресла и глубоко вздохнув, я позволила себе улыбнуться. В конце концов, если уж судьба бросает тебя в другой континент, глупо сопротивляться.

Ну что ж, Париж. Надеюсь, ты встретишь меня гостеприимно!

Глава 2

Мы заселились в нашу квартиру, которую купила мама. В центре Парижа. Да, мы были при деньгах, выше среднего. Честно говоря, я никогда особо не задумывалась о финансах — мама обеспечивала нас так, что я ни в чём не нуждалась, но при этом мы не купались в роскоши. А вот квартира в центре Парижа — это был уже совершенно другой уровень. Мраморные полы в подъезде, кованые перила, высоченные потолки с лепниной. Казалось, что даже воздух здесь пахнет историей и деньгами.

Я разложила вещи и вышла на балкон. Вид был прекрасный. Прямо передо мной раскинулись крыши Парижа — серые, с аккуратными трубами и мансардными окнами. Где-то вдалеке угадывался шпиль собора, но Эйфелеву башню отсюда видно не было — она скрывалась за поворотом. Зато внизу кипела жизнь. И правда, был полный хаос. Все бежали туда-сюда: туристы с картами, местные жители с багетами под мышкой, парочки, целующиеся прямо на ходу. Кто-то снимал видео на телефон, кто-то ел круассаны, стоя прямо посреди тротуара, не боясь испачкаться.

Честно, мне нравится такая суета. Ощущение, что всё

движется, создаёт чувство, будто жизнь не стоит на месте. Ты тоже хочешь течь по этой волне — быстро, ритмично, не задумываясь о том, что будет завтра. Солнце светило в лицо, делая мои волосы золотыми, а небо отражалось в глазах, окрашивая их в светло-голубые оттенки. Я стояла на балконе, вдыхая тёплый воздух, и впервые за долгое время мне стало спокойно.

Да, я русая с голубыми глазами. Я худенькая и стройная, благодаря генетике моей мамы. Она всегда говорила, что в нашей семье женщины не набирают лишний вес, сколько бы круассанов ни ели. Пока что это работало. Ещё я не совсем высокая — метр шестьдесят два, но каблуки решают всё. В Париже, кажется, к этому относятся спокойно: здесь ходят и высокие модели, и миниатюрные девушки, и никто ни на кого не смотрит косо.

Я зашла в гостиную. Мама говорила по телефону, собираясь выходить. Она стояла у зеркала босиком — туфли ещё стояли у порога — поправляла воротник своего белого пиджака и одновременно быстро диктовала что-то в трубку на французском. Я не понимала ни слова, но звучало это чёртовски профессионально.

Я смотрела на неё. Она такая изящная. Длинные ноги, тонкая талия, длинные чёрные волосы, уложенные в небреж-

ный пучок. Она была идеалом. А её эlegantный стиль так сливался с Парижем, будто она здесь родилась и выросла. Это её город. Точно. Не мой — пока что. Но её.

Я села на диван и обвела взглядом комнату. Чемоданы, сумки, коробки с обувью — всё это громоздилось посреди гостиной, создавая ощущение временного хаоса. Как же лень всё это расставлять. Я представила, сколько времени уйдёт на то, чтобы развесить платья, разложить косметику, найти место для книг и безделушек. Может, оставить всё как есть и делать вид, что мы только что приехали, ещё месяц? Мама вряд ли оценит.

Мама выключила телефон и подошла ко мне.

— Касси, можешь выйти гулять. Попить кофе, насладиться Парижем, милая. И... — она сделала паузу, будто собиралась с силами. — Я иду говорить с твоим будущим директором, чтобы ты перевелась в школу. Она самая лучшая в Париже.

Я сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Школа. Я совсем забыла об этой новой проблеме... Или, может, не проблеме? В Нью-Йорке школа была моим вторым домом, но здесь всё иначе. Другой язык, другие правила, другие дети, которые, возможно, будут смотреть на амери-

канскую новенькую как на инопланетянку.

Я кивнула, не говоря ни слова. Мама улыбнулась, подмигнула — так по-девчоночьи, словно мы с ней были подругами, а не мамой и дочерью — и надела чёрные каблукки. Её пальцы ловко застегнули ремешки, и она, постукивая, вышла за дверь.

Щёлкнул замок. Я осталась одна.

Я встала с дивана и открыла свой чемодан — тот самый, который не хотел закрываться в Нью-Йорке. Теперь он лежал на боку, раскрытый как раковина, и оттуда торчали мои джинсы, свитера, пара платьев. Я стала искать что-то эстетичное. Не просто красивое, а то, что подошло бы Парижу. Что-то, что крикнуло бы этим улицам: «Эй, я здесь не случайно, я тоже могу быть стильной».

В итоге я надела юбочку «Шанель» — ту самую, клетчатую, с тонкой цепочкой на поясе. А также её же жилетку без плеч и с острым вырезом. Посмотрелась в зеркало: получилось одновременно дерзко и нежно. С маминого чемодана, пока она не вернулась, я взяла нежно-розовый берет, почти белый, и надела нежно-розовые балетки с бантиками. Мой нежный лук был готов.

Я повертелась перед зеркалом в прихожей. Такая красивая. Розовый всегда мне шёл. Он подчёркивал золото волос и освежал лицо. Я даже себе немного завидовала — в хорошем смысле.

Я взяла маленькую сумочку через плечо, проверила, что в кармане есть телефон и несколько евро, и вышла, закрыв квартиру на ключ. Дверь щёлкнула дважды — я повернула ключ на всякий случай, хотя в таком районе вряд ли кто-то решится на кражу.

Я спустилась по широкой мраморной лестнице, мимо зеркал в золочёных рамах, мимо консьержки, которая вежливо кивнула мне. Она, кажется, говорила что-то по-французски, но я только улыбнулась и ответила «бонжур».

Открыв тяжёлую деревянную дверь подъезда, я вышла на улицу. И ахнула.

На улице было очень тепло, почти жарко. Май. В Нью-Йорке в это время ещё бывает прохладно, а здесь воздух был густым и сладким, как сироп. Пахло цветами, горячим хлебом и, как ни странно, кофе — везде, даже на углах, из открытых окон кафе вылетали облачка аромата.

Я шла и думала: сейчас бы я сидела за партой в Нью-Йор-

ке, а иду гулять по улицам Парижа. Жизнь непредсказуема. Кто бы мне сказал месяц назад, что я буду вот так, в берете и с балетками, разглядывать статуи и фонтаны? Я бы рассмеялась в лицо.

Я шла медленно, разглядывая каждый уголок. Узкие улочки сменялись широкими бульварами, маленькие пекарни соседствовали с бутиками дорогой одежды. Везде были люди: кто-то торопился по делам, кто-то сидел за столиками с чашкой кофе и бездельничал, кто-то целовался на скамейках.

Через километр пути я увидела Эйфелеву башню. Она выросла передо мной внезапно — такая огромная, кружевная, нереальная. Я видела её на картинках тысячу раз, но вживую она оказалась совсем другой. Живой. Она переливалась на солнце, и от неё нельзя было оторвать глаз.

Я достала телефон, сделала несколько селфи на фоне башни — сначала серьёзные, потом с улыбкой, потом с поднятой вверх рукой, будто я держу шпиль. Жизнь казалась не такой уж и страшной. Даже интересной.

Я опустила телефон и просто стояла, вдыхая этот момент. И тут ко мне подошла девушка. Лет двадцати, с короткой стрижкой, в льняном платье и с большими солнцезащитными очками. Она улыбнулась.

— Ouuu, vous êtes très belle! — сказала девушка с улыбкой, обводя рукой мой образ.

Я поняла, что это комплимент, судя по её интонации — восторженной и искренней. Моё сердце сделало маленький кульбит. Вот так, просто на улице Парижа, незнакомая девушка называет тебя красивой. Разве такое могло случиться со мной в Нью-Йорке? Там все слишком заняты собой.

Я улыбнулась в ответ, чувствуя, как к щекам приливает тепло.

— Merci, — сказала я, стараясь произнести это с правильным акцентом. Получилось, наверное, ужасно, но девушка засияла ещё ярче.

Она помахала мне рукой и ушла, растворившись в толпе.

Милая дама. Вот так просто — подошла, сказала приятное, ушла. В Париже люди, кажется, по-другому относятся к жизни. Они замечают красоту вокруг и не боятся говорить о ней вслух.

Я пошла дальше и наткнулась на маленькую уличную пекарню. Витрина ломилась от круассанов — обычных, шоко-

ладных, миндальных, с кремом. Я купила себе один классический, хрустящий, ещё тёплый, и села за маленький столик на улице — металлический, круглый, такой же, как в старых французских фильмах.

Я медленно ела его, отламывая кусочек за кусочком, и смотрела на прохожих. Мимо шли мужчины в костюмах с галстуками, женщины с авоськами, из которых торчали багеты, дети с мороженым, старики с тросточками. Все куда-то спешили, но без той нервной гонки, к которой я привыкла в Нью-Йорке. Здесь спешка была элегантной.

И вдруг мой телефон завибрировал. Звонок. На экране высветился неизвестный номер — французский, начинался с +33.

Я подняла трубку.

— Allô? — сказала я, чуть настороженно.

Мне никто не ответил.

Я слышала чьё-то дыхание в трубке. Ровное, спокойное, но явно чужое. Человек молчал. Ни слова, ни звука, только иногда лёгкий шум, будто кто-то держит палец над микрофоном.

— Who is this? — спросила я по-английски.

Тишина.

Я нахмурилась. Может, кто-то перепутал номер? Или розыгрыш? Мы только переехали, у меня ещё нет знакомых в Париже. Никто не мог знать мой номер — кроме мамы и, возможно, школы. Но школа бы представилась.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Отключила звонок. Положила телефон на стол экраном вниз, будто это могло защитить меня от невидимого наблюдателя.

Доела круассан я уже без аппетита. Сладкое послевкусие смешалось с горечью странного беспокойства.

Я встала, поправила берет и быстро зашагала обратно к дому. Обернулась пару раз — нет, за мной никто не шёл. Всё спокойно. Но осадок остался.

Дома я сбросила балетки у порога, прошла в свою комнату и рухнула на кровать. Подушка пахла чем-то новым — стиральным порошком и чем-то цветочным. Я взяла телефон, открыла мессенджеры. Мама уже написала.

«Касси, тебя приняли. Директор сказала, что ты знаешь английский, так что у тебя не будет проблем с языком — ученики на нём хорошо говорят. Французский подтянешь по ходу. Я так за тебя рада!»

Я перечитала сообщение два раза. Английский? В парижской школе? Это звучало почти слишком хорошо, чтобы быть правдой. Значит, я не буду сидеть на уроках как немая рыба. Смогу общаться, шутить, списывать домашку — ну, почти как раньше.

Меня это успокоило. Очень.

Я отложила телефон в сторону и уставилась в потолок. В потолке была красивая лепная розетка под люстру, которой у нас пока ещё не было.

В школу мне идти после летних каникул, то есть у меня есть ещё четыре месяца, чтобы покайфовать. Четыре месяца Парижа. Четыре месяца круассанов, прогулок по набережным, незнакомых городских запахов и случайных встреч. А ещё — неизвестных звонков. Но об этом я решила пока не думать. Четыре месяца свободы. Это много. Этого хватит, чтобы полюбить этот город.

Или чтобы он полюбил меня.

Глава 3

Мы сидели на балконе с мамой и пили кофе. Париж раскинулся внизу, подсвеченный заходящим солнцем. Крыши домов горели золотом, из открытых окон соседних квартир доносилась музыка — кто-то слушал джаз, кто-то французское радио. Воздух был тёплым и чуть влажным, предвещающая ночную грозу. Я отпивала маленькими глотками из своей белой чашки, наслаждаясь моментом. Впервые за долгое время мне не хотелось никуда бежать, ничего доказывать. Просто сидеть рядом с мамой, смотреть на огни Парижа и молчать.

— Касси, завтра пойдём посмотреть мой бутик! — сказала она, и в её глазах загорелся тот самый огонь, который я так любила. Огонь человека, который добился всего сам.

Я обрадовалась. Так сильно, что чуть не расплескала кофе.

— Правда? Как замечательно! Подаришь мне что-нибудь? — спросила я, улыбнувшись во весь рот.

Она улынулась и кивнула, загадочно прищурившись. Мама обожала делать сюрпризы. Когда я была маленькой,

она часто возвращалась с работы поздно ночью и подкладывала под подушку то новую заколку, то французскую конфету. Сейчас, когда я почти взрослая, эти маленькие жесты стали ещё ценнее.

Мы ещё посидели пару часов, болтая о всяких пустяках. Мама рассказывала, как проходили последние примерки коллекции, как одна из моделей порвала платье прямо перед показом, а ей пришлось зашивать всё на коленке за кулисами. Я смеялась, представляя эту картину. Потом она спрашивала, нравится ли мне новая квартира, и я честно ответила: «Да. Очень». Потому что это была правда. Париж медленно, но верно забирал моё сердце.

Когда стемнело окончательно и на улицах зажглись фонари, мы зашли в гостиную и начали убирать дом. Разбирать чемоданы, расставлять книги на полки, вешать одежду в шкафы — это было мучительно долго. Особенно когда у тебя нет настроения заниматься порядком, а хочется просто лечь и смотреть в потолок. Мама, как всегда, командовала: «Касси, это в спальню, это в ванную, это вообще в мусорку». Я вздыхала, но таскала коробки. Кипа новых полотенец, коробка с посудой, ещё одна — с какими-то документами. Мои пальцы устали от постоянного сжатия и разжатия.

Но наконец когда последняя ваза была водружена на ко-

мод, мы одновременно плюхнулись на диван. Усталые, но довольные. В квартире наконец запахло домом, а не переездом.

Мама вытянула ноги, положила голову на подушку и сказала:

— Мне нужно уехать. В честь открытия моего бренда и бутика я устраиваю банкет. С дресс-кодом и с дизайнерами. Мой бренд стал популярен ещё до открытия бутика, Касси. Мы прославимся! Бренд «Lueur de Rêve» будет сиять везде! — она вскочила и закружилась по комнате, раскинув руки в стороны, будто маленькая девочка, которая только что получила самую желанную куклу.

Я смотрела на неё и улыбалась. «Lueur de Rêve» — «Сияние мечты». Мама придумала это название ещё в Бруклине, когда шила свои первые платья на старой швейной машинке. Сейчас это название звучало как обещание. Мне нравилось видеть, как она сияет. Она заслужила это и даже больше. Она пахала днями и ночами, жертвовала сном, выходными, личной жизнью. Сколько раз я просыпалась в три часа ночи и видела свет на кухне — она сидела за эскизами, с чашкой остывшего кофе и красными от недосыпа глазами. И ради чего? Ради этого момента. Ради того, чтобы сказать: «Мы прославимся».

— Банкет. Как замечательно! А когда? — спросила я, подтянув колени к груди.

— Через месяц, — ответила она, перестав кружиться и опустившись на диван рядом со мной. Её щёки покраснелись, волосы растрепались, но она была прекрасна.

Я кивнула, представляя себе большой зал, людей в вечерних платьях, бокалы с шампанским. И себя в центре всего этого — или, может, чуть в стороне, с чашкой сока, потому что шампанское ещё рановато.

— Не хочешь погулять по ночному Парижу? — спросила я, глядя на звёзды за окном. Мы ещё ни разу не гуляли здесь вдвоём без цели, просто так.

Мама улыбнулась, подошла и поцеловала меня в лоб. Её губы были тёплыми и мягкими.

— Не могу, милая. Я должна уехать смотреть помещение для предбанкетной фотосессии. Может, пойдёшь со мной? — спросила она, уже потянувшись к своей сумке.

Я покачала головой. Усталость после уборки давала о себе знать, да и не хотелось тащиться по делам, когда можно просто побыть одной.

— Нет, спасибо. Я лучше сериал посмотрю, — сказала я, зарываясь в диванные подушки.

Она кивнула, не настаивая, и начала собираться. Переоделась в чёрное платье-футляр, поправила макияж, надела те самые каблукы, которые так элегантно стучали по паркету. На прощание она послала мне воздушный поцелуй и закрыла за собой дверь. Я услышала, как щёлкнул замок, а потом шаги затихли в коридоре.

Я осталась одна.

Включила телевизор, нашла свой любимый сериал. Банальная романтика. Там всегда всё просто: он и она, случайная встреча, недопонимание, а потом счастливый финал под дождём. Я смотрела, но мысли были далеко. О школе через четыре месяца, о будущих друзьях, о том странном звонке от неизвестного номера.

За окном начало темнеть сильнее. Небо затянуло тучами. Я не заметила, как облака сгустились, и вдруг первые капли ударили по стеклу. Дождь пошёл неожиданно быстро — сначала робко, а потом всё сильнее и сильнее. Атмосфера в комнате мгновенно изменилась, стала более драматичной, почти кинематографичной.

Я выключила верхний свет, оставив только торшер в углу. Тени танцевали на стенах. Дождь барабанил по окну, создавая свою собственную мелодию — то тихую и нежную, то громкую, как аплодисменты. Я вытянулась на диване, укрывшись пледом, и продолжила смотреть сериал. Глаза постепенно закрывались. Экран телевизора расплывался, диалоги сливались в однородный шум. Я почти спала.

И тут — скрип.

Я резко открыла глаза. Скрип двери. Входной двери.

Мама пришла? Уже?

Я села на диване, прислушиваясь. Сердце забило быстрее. Мама ушла час назад — она не могла вернуться так рано. Она говорила, что будет минимум три часа. Может, забыла что-то? Но тогда она бы позвонила или крикнула с порога.

Я напряглась. Каждая клеточка тела замерла.

Я встала с дивана, стараясь ступать бесшумно. Ноги казались ватными. В гостиной было темно, только свет торшера выхватывал кусок ковра. Дверь в прихожую была приоткры-

та. Я не помнила, оставляла ли я её такой. Возможно, сквозняк? Но в квартире не было сквозняков.

Сердце упало в пятки. Я сделала шаг назад, потом второй. Мне нужно было бежать в свою комнату, запереться, позвонить маме, в полицию — что угодно. Я развернулась, чтобы рвануть в спальню, но не успела.

Меня схватили сзади. Сильные руки прижали к себе так резко и сильно, что дыхание перехватило. Я дёргалась, кричала, царапалась, но всё было бесполезно. Парень был невероятно сильным — гораздо сильнее меня. Я чувствовала его горячее дыхание у своего виска, запах кожи и какого-то резкого одеколona.

— Тише, тише, — прошептал он. Голос был низким, спокойным, даже насмешливым. — Не шуми.

Я не переставала вырываться, но он легко удерживал меня одной рукой, а второй — я почувствовала укол в шею. Как укус комара, только острее и холоднее. В моё тело что-то вкололи.

Сначала я ничего не поняла. А потом мир поплыл. Не так, как в фильмах, когда героини моментально отключаются. Нет. Моё тело стало тяжёлым, как будто его налили свинцом. Ру-

ки безвольно повисли, ноги подкосились. Я не могла пошевелить даже пальцем. Язык одеревенел. Но сознание оставалось. Я всё видела, всё слышала, всё чувствовала — но не могла ответить.

Меня перестали душить. Руки, которые держали меня, разжались, и меня развернули лицом к нему. Человек был в чёрной маске — обычной, такой, что продаётся в любом сувенирном магазине. Он был высоким, спортивным. Не взрослый дядя. Молодой. Двадцать, может, двадцать один год. Либо мне вкололи то, что заставляло видеть в мужике парня, либо это действительно был парень. Его глаза — тёмные, почти чёрные — смотрели на меня безжалостно и в то же время с каким-то жутким любопытством.

Он взял меня на руки, будто я ничего не весила. Я пыталась кричать, но из горла не вылетело ни звука. Моя голова безвольно моталась из стороны в сторону. Он нёс меня в спальню. Я видела мелькающий потолок, лампу, дверной косяк. Потом меня бросили на кровать. Пружины жалобно скрипнули.

С меня начали стягивать одежду. Сначала футболку — резко, через голову, не заботясь о том, что застёжка цепляется за волосы. Потом шорты. Я лежала совершенно неподвижная, как кукла, и только глазами, полными ужаса, пыта-

лась что-то сказать: «Отпустите! Хватит! Пожалуйста!» Но он не смотрел на моё лицо. Он смотрел на моё тело.

С меня стянули всё. Абсолютно всё. Я была полностью голой. Комнатная прохлада обожгла кожу, и по телу побежали мурашки, но я не могла даже поёжиться. Мне распустили волосы, разбросав их по подушке, а потом вложили меня в какую-то позу — я поняла, что это эстетично, что меня сейчас сфоткают. И точно. Я услышала звук затвора телефона. Щёлк. Щёлк.

Меня фотографировали. Спереди. Сзади. С раздвинутыми ногами. Из глаз потекли слёзы. Я не могла их вытереть, не могла закрыться, не могла даже отвернуться. Я просто лежала и плакала молча, пока этот парень в маске, тяжело дыша, менял ракурсы. Он был спокоен, сосредоточен, как будто делал обычную работу.

После того как он сделал несколько снимков, он грубо вытер моё лицо — то ли рукой, то ли простынёй — и принялся одевать меня обратно. Футболку натянул кое-как, шорты застегнул. Без нежности. Без жалости. Потом взял меня за волосы, дёрнул так, что шея хрустнула, и поднёс моё ухо к своим губам. Я чувствовала его дыхание — влажное и тёплое.

— Расскажешь маме — окажется на твоём месте, — про-

шептал он.

Я замерла. Сердце, которое и так колотилось где-то в горле, пропустило удар. Он не шутил. Я знала это по голосу. По той лёгкости, с которой он всё это делал.

Напоследок он поцеловал меня в шею — прикосновение губ к коже, которое должно было быть нежным, но оказалось мерзким, как прикосновение змеи. Потом он встал, поправил свою одежду, маску, и вышел. Я услышала, как хлопнула входная дверь, щёлкнул замок.

И осталась только тишина. И дождь за окном. И мои слёзы, которые всё текли и текли, потому что я не могла их остановить. И мёртвая, ледяная тяжесть в теле, которая не проходила. Я лежала на кровати, глядя в потолок, и ждала, когда пройдёт действие укола, чтобы наконец закричать.

Но боялась, что когда смогу кричать — уже будет поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.